Нуржан Сарсенбаев

Генеральский эндшпиль

Нуржан Сарсенбаев

Генеральский эндшпиль

«Автор»
2026

Сарсенбаев Н.

Генеральский эндшпиль / Н. Сарсенбаев — «Автор», 2026

Ленинград, 1978 год. В сыром подвале детского дома на Фонтанке два пацана дают клятву на крови: никогда не предавать друг друга и не становиться крысами. Впереди у них — расчерченная от руки шахматная доска, горький махорочный дым и мечты о взрослой жизни.Пройдут годы. Горнило Афганистана, ледяной ад дисциплинарного батальона на острове Русский, развал великой страны и кровавый передел девяностых раскидают друзей по противоположным полюсам бытия.Сергей станет честным генерал-майором МВД, отдавшим жизнь защите закона. Олег — легендарным «Профессором», бессменным теневым хозяином криминального Петербурга, просчитывающим каждый ход на шаг вперед.Спустя тридцать лет невидимого противостояния их партия заходит в цугцванг. В дождливый осенний вечер в заброшенной беседке у Финского залива два седых мужчины снова садятся за шахматную доску. На кону — не просто судьба криминальной империи и генеральская честь, а ответ на главный вопрос: можно ли пройти через ад и остаться человеком?

© Сарсенбаев Н., 2026
© Автор, 2026

Генеральский эндшпиль

ЧАСТЬ I. БЕЛЫЕ И ЧЕРНЫЕ (1978–1988 гг.)

Белая ночь стояла над Ленинградом призрачной, фосфорицирующей дымкой. К концу июня солнце так до конца и не пряталось за горизонт, лишь подменяло дневное золото холодным, размытым серебром, отчего гранитные набережные, лепнина старых доходных домов и темная, маслянистая вода каналов казались декорациями к заупокойному, но бесконечному спектаклю.

На окраине города, в двухэтажном сером здании детского дома № 14 на Фонтанке, царила мертвая, гулкая тишина. Изредка ее прорезал далекий скрип ночного трамвая на пересечении или тяжелый, предсмертный всхрап кого-то из старших воспитанников в общем спальном расположении. Воздух в коридорах падал на легкие тяжелым слоевым пирогом из хлорки, дешевого маргарина, кислой капусты и прелой шерсти казенных одеял.

В дальней комнате, куда не добивал тусклый свет уличного фонаря, пахло иначе. Здесь пахло терпким мальчишеским потом, махорочными самокрутками и побелкой.

На панцирной сетке скрипучей железной кровати сидел четырнадцатилетний Олег. Он не спал. Колени его были подтянуты к груди, руки охватывали голени, а темные, глубокие глаза смотрели прямо перед собой с той пугающей взрослой сосредоточенностью, какой никогда не встретишь у домашних детей. На костяшках его сбитых в кровь пальцев запекся синий синяк — след от недавней уличной стычки за гаражами у Обводного канала.

Напротив него, устроившись прямо на дощатом полу с подогнутыми ногами, сидел Сергей. Серега был на полголовы ниже, но шире в костях, с упрямым, тяжелым подбородком и пронзительным взглядом из-под насупленных бровей. Между ними, на перевернутом фанерном ящике, лежала самодельная шахматная доска. Клетки были старательно расчерчены чернилами на обложке потрепанной тетради по географии за шестой класс, а сами фигуры — грубо вырезаны из сосновых брусков неровистыми старшаками, уехавшими минувшей осенью по этапу в колонию. Король у белых слегка покачивался на обломанной ножке.

Олег неслышно выдохнул, протянул руку с длинными пальцами и переставил деревянного слона.

— Ты опять лезешь в лоб, Серега, — его голос звучал тихо, шорохом сухих листьев по асфальту. — Вот сюда бьешь, думаешь, проломишь оборону. А фланг-то у тебя голый. Сзади пусто. Если сразу бросаешься в атаку, не глядя по сторонам, значит, боишься доиграть партию до конца.

Сергей качнул головой, упрямо сжав челюсти:

— Не боюсь я. Просто ждать не люблю. Пока ты тут высчитываешь ходы, противник успевает перегруппироваться. Надо бить сразу, пока он сам в сомнениях.

Олег усмехнулся. Сухо, беззвучно — одними уголками тонких губ.

Рядом с их кроватью на полу валялся тяжелый кожаный мешок, туго набитый речным песком и старой ветошью. Каждый вечер после отбоя они колотили этот мешок голыми руками до тех пор, пока кожа на костяшках не лопалась, а мышцы не начинали гореть огнем. Это был их негласный договор с миром: слабых здесь стирали в порошок, а сильным нужно было стать задолго до того, как за ними захлопнутся тяжелые ворота взрослой жизни.

— Нас выпустят отсюда через три года, — Олег поднял голову, глядя в мутное стекло окна, за которым белела питерская ночь. — И на улице никто не станет спрашивать, во что ты веришь и какие у тебя принципы. Там закон простой, Серега: либо ты давишь, либо тебя закатывают в асфальт. Третьего не дано.

Сергей молча смотрел на деревянного коня. В его мальчишеской голове бушевало странное, болезненное противоречие. Он чувствовал железную, зловещую правоту друга, но внутри

него упрямо зрело совсем другое — потребность в порядке, в справедливости, в том, что мир должен держаться на чем-то более прочном, чем кулак и страх.

Олег протянул руку через фанерную доску и тяжело опустил ладонь на плечо Сергея. Пальцы сжались мертвой хваткой — до боли в ключице.

— Слушай сюда, Смирный, — произнес Олег неожиданно жестко. — Кем бы мы ни стали, когда вырастем... какими бы дорогами нас ни раскидало... запомни одну вещь. Мы никогда не будем крысами. И никогда не предадим друг друга. Слово?

Сергей поднял глаза. В темноте комнаты взгляды двух пацанов столкнулись с такой силой, будто между ними проскочила искра. Это была не детская игра в пиратов. Это была взрослая, выстраданная присяга людей, у которых не было за душой ничего, кроме друг друга.

Сергей вскинул руку и сжал запястье Олега в ответ.

— Слово.

За окном, разорвав тишину белой ночи, протяжно и тоскливо взвыл гудок буксирного теплохода на Неве. Огарок свечи в консервной банке капризно моргнул, захлебнулся в расплавленном парафине и погас окончательно, погрузив комнату в абсолютную тьму.

Партия была начата.

ГЛАВА 1. Разные погоны (Осень 1981 года)

Осенний Ленинград восемьдесят первого года встретил призывников промозглой, пронзительной сыростью. Ветер с Финского залива срывал с деревьев почерневшую листву, швыряя ее в серые воды каналов, а над городом висела тяжелая, свинцовая туча, казавшаяся навечно прибитой к крышам домов.

На Загородном проспекте, у серого здания городского военкомата, толпились сотни парней в одинаковых потертых гражданских пальтишках. Наголо остриженные головы делали их похожими друг на друга — бледные лица, напряженные взгляды, папиросный дым над головами и едкий запах казенной мастики в коридорах.

Сергей и Олег стояли у высокого зарешеченного окна на втором этаже, ожидая вызова в призывную комиссию. За прошедшие годы они заметно подались в рост, раздались в плечах, но их дружба осталась прежней — с молчаливым пониманием с полуслова и неизменными утренними пробежками по пустым набережным.

— Смирнов! — рявкнул из приоткрытой двери капитан с красными петлицами. — На комиссию, бегом!

Сергей выпрямился, одернул свитер и посмотрел на друга.

— Ну, с богом, Смирный, — тихо бросил Олег, прислонившись спиной к холодной стене. — Посмотрим, куда родина тебя пристроит.

В кабинете за длинным столом сидело несколько военных чинов во главе с подполковником с орденскими планками. Дело Сергея открыли. Подполковник молча пробежал глазами личное дело: отличная физическая подготовка, первый разряд по боксу, парашютная секция ДОСААФ, идеальная характеристика, комсомол.

— Здоровье «А-1», морально устойчив, — подполковник поднял тяжелый взгляд на призывника. — В Воздушно-десантные войска пойдешь, Смирнов? Псковская дивизия. Настоящая мужская работа.

У Сергея внутри всё качнулось от радости. ВДВ были его тайной мечтой — там учили не просто подчиняться, а отвечать за каждый шаг, там ценилось то самое братство, о котором он грезил со времен детдома.

— Так точно! Готов к службе в ВДВ! — чеканя слова, ответил Сергей.

Спустя полчаса из того же кабинета вышел Олег. Его лицо было непроницаемым, как гранитная плита, а в глазах застыл тот самый ледяной отсвет, который всегда появлялся перед принятием жестких решений.

— Куда? — коротко спросил Сергей, шагнув навстречу.

— На самый край света, Серега, — уголки губ Олега дернулись в сухой усмешке. — Морская пехота Тихоокеанского флота. Владивосток. Спецназ флота.

Сергей молча качнул головой и с силой ударил кулаком в плечо друга. Два элитных рода войск. Два разных конца огромной страны. Они оба понимали: армия перекроит их жизни навсегда, стерев последние детские черты.

Поздним вечером под проливным дождем Витебский вокзал гремел военным маршем. На перроне смешивались рыдания матерей, звонкий лязг вагонных буферов и гудки маневровых паровозов.

Сергей стоял у подножия вагона, закинув за плечо тяжелый вещмешок. Вдруг сквозь толпу провожающих к нему протиснулся Олег. В руках у него был небольшой плоский сверток, обернутый в плотную серую бумагу.

— На, держи, — Олег сунул сверток в руки Сергею. — В дороге откроешь. Не потеряй.

Сергей развернул уголок бумаги. Внутри лежала та самая самодельная шахматная доска из исписанной тетради и сосновые фигурки.

— А ты?.. — начал было Сергей.

— А я у себя в башке всё давно расписал, — перебил Олег, глядя на него долгим взглядом. — Помни, Смирный: не лезь в лоб. Думай на шаг вперед.

Состав вздрогнул, металл тяжело заскрежетал по стыкам. Сергей вскочил на подножку, цепляясь за поручень. Олег остался стоять на перроне — одинокая, крепкая фигура в черном пальто под потоками дождевой воды, пока поезд медленно не пополз во тьму, растворяясь в сырой ленинградской ночи.

ГЛАВА 2. Горнило и ад (1983 год)

Часть 1. Горы и пыль (Афганистан)

Сухой, раскаленный воздух провинции Парван не просто обжигал — он въедался в легкие, оставляя на губах горчащий привкус мелкой цементной пыли. Ни единого дерева, ни единственной травинки на десятки километров вокруг. Только голые, серые скалы Гиндукуша, раскаленный гранит и слепящее, беспощадное солнце, от которого негде было укрыться.

Замкомвзвода гвардии сержант Сергей Смирнов вжимался всем телом в горячие камни за невысоким валуном. Его хэбэшка на спине давно превратилась в сухую соленую корку, а бронежилет казался пудовой гирей, прижимающей к раскаленной земле. В руках — горячий автомат АК-74 с примотанными изолентой спаренными магазинами.

Сверху, с господствующей высоты у входа в ущелье, короткими злыми очередями бил крупнокалиберный ДШК. Пули с оглушительным визгом выбивали из скалы гранитную крошку, которая секла лицо и руки не хуже осколков.

— Смирнов! — сквозь грохот боя пробился хриплый голос раненого в плечо лейтенанта. — Правый фланг не удержать! Если духи сейчас сорвутся с гребня, они зажмут роту в горле ущелья и перебьют как мишени в тире!

Сергей бросил быстрый взгляд на склон. Душманы вели классический прижимной огонь, рассчитывая удержать десантников в мертвой зоне до подхода основных сил. В лоб идти — чистая смерть. Каждая секунда промедления стоила жизни парням, с которыми он делил сухой паек и вечерний чай.

И в эту секунду в голове Сергея, сквозь гул минометных разрывов и свист свинца, с удивительной отчетливостью прозвучал знакомый с детства тихий голос: «Если идешь напролом — значит, боишься доиграть партию до конца. Смотри на три шага вперед».

— Отставить лобовую! — гаркнул Сергей, поворачиваясь к троим бойцам взвода. — Вдовец, зафиксируй пулеметчика трассерами! Мелкий, со мной на скалу по левой сыпухе! Мы зайдем к ним с тыла, пока они ждут нас внизу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.